

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

том I
(Древняя Русь)

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва 2000

**ББК 63.3(2)46-7
И 32**

И 32 Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). – М.: Языки русской культуры, 2000. – 760 с. – (Язык. Семиотика. Культура).

ISBN 5-7859-0093-9

Первую часть тома составляет монография В. Я. Петрухина «Древняя Русь. Народ. Князь. Религия». Во вторую часть вошли статьи по истории русской культуры и литературы Киевской Руси С. С. Аверинцева, В. М. Живова, Д. С. Лихачева, и др. (Ранее, в 1997–1998 годах, вышли тома III–V, охватывающие XVII–XIX века русской истории.)

Книга адресована как широким читательским кругам – старшим школьникам, студентам, просто любознательным читателям, интересующимся историей русской культуры, так и более подготовленным читателям – студентам, аспирантам и преподавателям специализированных кафедр и факультетов по истории культуры.

ББК 63.3(2)46-7

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-7859-0093-9

9 785785 900936 >

© В. Я. Петрухин. Составление, 2000
© Авторы, 1999
© А. Д. Кошелев. Серия «Язык. Семиотика. Культура», 1995
© В. П. Коршунов. Оформление серии, 1995

А. А. Гиппиус

«Повесть временных лет»:
о возможном происхождении и значении названия

Название «Повесть временных лет»¹ настолько хрестоматийно, что как будто и не нуждается в специальной интерпретации. Между тем определение подлинного значения этого сочетания до сих пор остается проблематичным. Иллюзия его очевидности исчезает, как только встает вопрос о переводе и возникает необходимость выразить смысл заголовка средствами современного русского или любого другого языка. При этом обнаруживается, что, в отличие от большинства средневековых исторических сочинений, название Начальной летописи практически не поддается обычному переводу. Это, по-видимому, ясно сознавал И. И. Срезневский (*Срезневский* 1: 319), предложивший не столько перевод, сколько попытку описательно передать смысл названия: «рассказ повременный о прошедших годах».

Параллельно с таким прочтением издавна существовал другой вариант перевода названия ПВЛ: «Повесть древних (минувших, давних) лет». В его поддержку со всей определенностью высказался Н. К. Никольский. Возражая против перевода И. И. Срезневского, он писал: «В рассматриваемом со-

¹ Здесь и далее речь идет только о первой части названия памятника, который в древнейшем Лаврентьевском списке 1377 г. озаглавлен: *Се повѣсти временныхъ лѣтъ, ѿкоудоу кѣтъ пошла Роуская зем(л)а, кто въ Киевѣ нача первѣе княжити и ѿкоудоу Роуская земля стала естъ*. Определенная независимость первой части от целого, в ряде списков подчеркнутая постановкой после нее имени Нестора, позволяет рассматривать ее отдельно. Обращает на себя внимание варьирование по спискам форм единственного и множественного числа первого слова заглавия. Чтению повѣсть Ипатьевского, Радзивиловского и Академического списков соответствует вариант повѣсти Лаврентьевского, Троицкого и Хлебниковского. Поскольку оба варианта представлены в списках как Лаврентьевской, так и Ипатьевской группы, установить первоначальное чтение чисто текстологически не представляется возможным. Однако, учитывая большую тривиальность формы единственного числа в этом контексте, а также ее очевидную соотносительность с такой же формой в следующей фразе (*се начнемъ повѣсть сию*), первоначальным следует, по-видимому, признать вариант повѣсти временныхъ лѣтъ.

четании нельзя найти признака повременности или «хронологичности». «Повесть временных лет» — это рассказ о минувших или прешедших годах в смысле *anagium temporariorum* или ἡ τῶν πρόσκαιρων ἐνιαυτῶν διήγησις, т. е. «рассказ о событиях старых лет, изложенный в повествовательной форме» (Никольский 1930: 41). Такая трактовка названия позволила исследователю отнести его лишь к начальной части памятника, содержащей повествование о происхождении и древнейшей истории славян и Руси и вместе с некоторыми другими фрагментами ПВЛ рассматриваемой Н. К. Никольским как самостоятельное произведение. В настоящее время перевод «Повести минувших лет» является безусловно господствующим как в русской традиции, так и — в соответствующих вариантах — в переводах Начальной летописи на европейские языки. Аргументацию в пользу такого перевода см.: *Филин* 1949: 109, *Лихачев* 1950: 203.

Данный перевод, однако, весьма уязвим с лингвистической точки зрения. Предполагая возможные греческое и латинское соответствия названию ПВЛ, Н. К. Никольский никак не откомментировал того обстоятельства, что ни лат. *temporarius* ни греч. *πρόσκαιρος*, нигде, как кажется, не зафиксированы в значениях 'древний, минувший'. То же относится и к славянскому прилагательному **времѣнный**. С данным значением оно не отмечено ни одним из исторических словарей русского языка, при том, что само прилагательное достаточно частотно. Не представлено данное значение и в диалектном словарном материале. Правда, Ф. П. Филин (1949: 109) ссылается на белорусское *времский* («долгий») и болгарское *временный* («долгий, продолжительный»), замечая, что эти значения «тесно связаны с понятием о прошедшем времени», но эти аналогии кажутся слишком отдаленными².

В подтверждение перевода «Повести минувших лет» часто ссылаются на Тверскую летопись, в которой заголовок ПВЛ читается в виде «Повести древних лет». «Составитель Тверской летописи в XVI столетии дает более точный перевод заглавия древнейшей части наших летописей, опираясь, по видимому, на идущее из XII в. понимание этого выражения» (*Филин* 1949: 109). Однако, как мы увидим в дальнейшем, позднейшие трансформации заголовка совсем не предполагали обязательного сохранения его первоначального значения.

² По мнению Д. С. Лихачева (1950: 203), прилагательное *временный* в значении 'прошлый' употреблено в Хронике Георгия Амартола, в заголовке *начало временныхъ царствъ*. Анализ соответствующего фрагмента не позволяет согласиться с такой трактовкой. Данный заголовок открывает в Хронике повествование о римской и византийской истории и имеет разночтения *начало ромѣнскихъ црствин*, *римьскаго црства*, *временнаго црства* с подзаголовком *римьское прьвое* (*Истрин* 1920: 205). В греческом тексте имеем *ἀρχὴ τῆς βασιλείας ρωμαίων* (*Муральт* 1859: 213). Славянские разночтения можно было бы объяснить в контексте средневековых представлений о смене мировых царств, согласно которым вся история Рима и Византии мыслится как история одного царства. В таком случае заголовок *начало временныхъ царствъ* или *временнаго црства* следовало бы понимать не как «начало прошлых царств», но, напротив, как «начало нынешнего, современного царства». Не исключено, впрочем, что чтение *временныхъ* есть лишь испорченное *ромѣнскихъ*. В любом случае видеть здесь значение 'прошлый, минувший' нет оснований.

Принципиально иной перевод предложил М. Ф. Мурьянов, по мнению которого в названии ПВЛ следует видеть отражение основополагающей для средневекового христианского сознания противоположности между «временным» и «вечным», наиболее ясно выраженной в словах апостола Павла: **Видима во врѣмьна, а невидима вѣчна** (2 Кор. 4, 18). Таким образом, считает М. Ф. Мурьянов, «“Повесть временных лет” говорит своим названием, что она — повесть лет земной преходящей жизни, лет времени, а не вечности. Такое название как бы напоминает о том, что кроме временных лет есть более существенная вечность, во имя которой в тексте летописи тщательно фиксируются закладки, строительство и освящения храмов, — этих частиц неба на земле» (Мурьянов 1978: 60). Оно подчеркивает, что «летопись — не священная история, изложенная Библией, но гражданская история» (там же). Такой же точки зрения придерживается Г. Хюль-Фольтер (1983: 192).

Однако и это прочтение заголовка ПВЛ лингвистически далеко не безупречно. Хотя, в отличие от значений ‘древний, давний’ значение ‘преходящий, невечный’ широко представлено у прилагательного **временныи**, оно, как кажется, никогда не реализуется в сочетании с обозначениями единиц времени³. Это вполне естественно: данное значение регулярно возникает в случае отнесенности прилагательного к имени, обозначающему понятие, для которого мыслимы две формы существования — во времени и в вечности (жизнь временная — жизнь вечная, красота временная — красота вечная и т. д.). Для существительных темпоральной семантики такое противопоставление в принципе не релевантно.

Заметим также, что акцентирование противоположности между священной и гражданской историей кажется несколько странной в названии лето-

³ В качестве единственной «структурной аналогии» названию ПВЛ М. Ф. Мурьянов приводит сочетание **въ часѣ временнѣ** (Лк. 4, 5: и показа ємоу вса царствиа вселєна в часѣ временнѣ). Данное сочетание, однако, представляет собой кальку с греческого фразеологизма *ἐν στήνῃ χρόνου* (ССЯ, 5: 229) и не имеет отношения к оппозиции «временное-вечное». Нерелевантность этой оппозиции обнаруживается и в следующем примере из «Повести об Авраамии» Ефрема Сирина, где представлено то же сочетание, что и в заголовке ПВЛ: **коньчавъшюся дѣводьсатьному лѣтѣ временномоу неистовство сътвори диваколъ на ню**. И здесь в оригинале было сочетание двух существительных (ср. данный пассаж в латинском переводе: *vigesimo autem annorum tempore expleto* (Ефрем IV: 513)).

Сочетание **временна лѣта** в значении, близком к предлагаемому М. Ф. Мурьяновым для заглавия ПВЛ, выступает, впрочем, в памятке, имеющем самое непосредственное отношение к Начальной летописи — в житии Нестора, входящем в состав второй печатной редакции Киево-Печерского патерика, где читается следующий текст: **Поживе же лѣта доволна троуждаєса в дѣлѣхъ лѣтописаниа и лѣта вѣчна поминана и тако добрѣ оугоди Творцоу лѣтомъ, к нему же по лѣтѣхъ временнѣхъ доволнѣхъ престависа на вѣчность** (КПП—1661, л. 206). Однако в данном случае мы явно имеем дело с характерным барочным обыгрыванием названия ПВЛ, а не с отражением его исходного значения. Сходным образом обыгрывается здесь и библейский фразеологизм **лѣта вѣчна**, имеющий значение «древние времена» (ССЯ, 7: 384), также нейтральное по отношению к оппозиции «временное-вечное». Противопоставление «вечных» и «временных» лет носит здесь чисто искусственный характер.

писного свода, в котором история Руси рассматривается как непосредственное продолжение библейской истории.

Учитывая все сказанное, можно понять авторов «Словаря русского языка XI—XVII вв.», вообще отказавшихся от попыток перевода заголовка ПВЛ. И все же, как представляется, возможности его интерпретации еще далеко не исчерпаны.

Предлагавшиеся до сих пор варианты перевода исходят из двух общих и отнюдь не безусловных посылок. С одной стороны, сочетание *времяна лѣта* традиционно рассматривается как уникальное в древнерусской письменности и интерпретируется путем имманентного анализа, в лучшем случае с привлечением отдаленных аналогий. При этом вообще не ставится вопрос об источнике этого названия.

Между тем, исходя из общих представлений о характере средневековой книжной культуры, естественнее предполагать, что в названии Начальной летописи была использована некоторая устойчивая модель, что в нем, возможно, содержалась отсылка к какому-то тексту-источнику, ясная древнерусскому читателю, но скрытая от глаз современного исследователя.

С другой стороны, сочетание *времяна лѣта* всеми исследователями трактуется как чисто атрибутивное. Предполагается, что поверхностная синтаксическая структура здесь отражает структуру семантическую, то есть прилагательное обозначает признак понятия, названного существительным. Поскольку значение существительного кажется очевидным, задача интерпретатора сводится к тому, чтобы указать и обосновать специфическое значение прилагательного ('повременный', 'древний', 'минувший', 'преходящий' и т. д.).

Между тем обращает на себя внимание ярко выраженная *плеонастичность* этого сочетания. В древнерусском книжном языке наборы значений слов *время* и *лѣто* в значительной мере совпадали. В переводных текстах оба слова использовались для передачи одних и тех же греческих лексем, чаще всего *χρόνος* и *καιρός*, нередко выступая как взаимозаменяемые варианты в одних и тех же контекстах⁴.

Плеонастичность заголовка ПВЛ, безусловно, ощущалась древнерусскими книжниками. Об этом свидетельствует прослеживаемое в истории текста памятника стремление его редакторов и переписчиков избавиться от плеоназма путем замены одного из компонентов сочетания *времяна лѣта* и преобразования заголовка по продуктивным для названий исторических сочинений моделям. Так появляется, с одной стороны, упоминавшееся уже чтение Тверской летописи — «Повести древних лет» (ср. «Повесть древних лет, яже содешась в Великом Новеграде» — *Будовниц* 1962: 220). Другую линию развития представляет чтение «Повесть временных дей», приводимое

⁴ См., например, два разных перевода одного и того же текста в рукописи 13 слов Григория Богослова XI в.: *вѣкъ бо ни лѣто, ни лѣта часть кака...* (л. 152б), *вѣкъ бо ни времяа ксть, ни времени часть* (л. 329б), где *время* и *лѣто* соответствуют греч. *χρόνος*. При том, что оба слова обладали рядом специфических значений, в совместном их употреблении акцентируется именно сходство семантики: *лѣто оустависа и времяа повелѣно вѣсть* — Ефремовская Кормчая XI—XII вв. (*Срезневский* 2: 77), *по колницѣхъ временихъ, по мнозихъ лѣтѣхъ* — Троицкая летопись (*Приселков* 1950: 53).

В. Н. Татищевым из не дошедшего до нас «Раскольничьего» списка ПВЛ (по описанию Татищева, весьма архаичного). Данный вариант, как и представляющее его дальнейшую эволюцию чтение «Временник русских дей» из другого использованного Татищевым списка (Татищев 1962: 123—124), несомненно, отражают тенденцию приблизить название ПВЛ к традиционному для европейской историографии жанру «деяний»⁵.

Можно предполагать, что и сам плеонастический эффект, свойственный исходной форме названия и не понятый позднейшими переписчиками, был также связан с воспроизведением определенной модели, и что атрибутивный характер синтаксической связи в сочетании *връемянаа лѣта* достаточно условен — конструктивное же значение имеет сам факт соположения двух близких по значению слов. В таком случае данное сочетание может рассматриваться как реализующее ту же семантическую модель, что и широко распространенный в древней славянской книжности фразеологизм *връемяна и лѣта* — яркий образец характерной для средневековой поэтики тавтологической парной формулы⁶.

Синтаксические трансформации, устанавливающие отношения эквивалентности между атрибутивными и сочинительными сочетаниями, достаточно распространены. На них основан в частности такой риторический прием как гендиадис, на славянском материале подробно описанный А. А. Потемней. См., например, такие приводимые им соответствия, как *пированье и честь / почестной пир, жалости и смерти / жалостное смерти, верой и правдою / верною правдою*. Как варианты могут выступать сочетания *рать и сила / сила ратная / рать сильная*, причем значения слов *сила* и *рать* в данном случае практически совпадают (Потемня 1968: 229, 231)⁷. На этом фоне соотношение *връемяна и лѣта / връемянаа лѣта* выступает как вполне закономерное. Таким образом, название Начальной летописи «Повѣсти връемяныхъ лѣтъ» может быть без ущерба для смысла переведено, вернее синтаксически трансформировано в «Повести времен и лет».

Высказанное предположение не является чисто теоретическим допущением. Прямое подтверждение ему находим в древнерусском тексте Апостола. Интересующее нас сочетание выступает в стихе Деян. 1, 7, который в современном церковнославянском тексте имеет вид: *нѣсть ваше разумѣвати времена и лѣта гаже оцъ положи во своей власти*. В древнерусских и южнославян-

⁵ Слово *дѣян*, представленное одним сомнительным примером в словаре Срезневского (1: 799) и вообще не вошедшее в Сл. XI—XVII вв., между тем известно из русских говоров. В. И. Даль (1: 510) определяет его значение как «что сделано, сделано, что состоялось, сбылось; факт, быть». Ср. чешск. *dej* 'событие', *dejina* 'деяние', во мн. ч. 'история'. Замечу также, что вариант заглавия *Повѣсти временныхъ дѣян* составляет любопытную параллель к началу известной Смоленской грамоты 1229 г. *Временныхъ дѣян* суть не что иное, как то, «что са дѣять по временимъ».

⁶ О формулах такого рода и соотношении их с другими видами парной формулы см.: Гуревич 1982, 63—68. В нашем случае тавтология выполняет не просто усиительную функцию; как синонимический повтор, так и плеонастичность атрибутивного сочетания в равной степени выступают как средства создания нового смысла, обобщенного значения времени, обладающего устойчивостью и самодостаточностью, которых лишены значения отдельных лексем.

⁷ На эти параллели из материалов А. А. Потемни мне любезно указал А. Б. Страхов.

ских списках, помимо чтения **времени и лѣта**, которое является основным, встречаются также варианты **времянь ни лѣтъ**, **времени и лѣта**, **лѣтъ ли времянь и**, наконец, **временныхъ лѣтъ**. Последнее чтение, полностью совпадающее с заголовком ПВЛ не только по структуре, но и в грамматической форме, приводит арх. Амфилохий из псковского Апостола 1307 г. (*Амфилохий*, I: 57). Данное чтение не уникально. Его находим также в рукописи РГАДА, ф. 381, № 139 (богослужебный сборник-конволют, состоящий из частей XII, XII/XIII и XIV вв., СК № 64), содержащей среди прочих текстов также евангельские и апостольские чтения на Пасху (XIV в). Стих Деян. 1, 7 читается здесь: **нѣсть вамъ разоумѣвати временахъ лѣтъ каже оубо положи своєю властью** (л. 15).

Значение приведенных примеров, на наш взгляд, выходит за рамки простой аналогии. Возникает вопрос: не имеем ли мы дело с непосредственным источником названия Начальной летописи? Думается, что для положительного ответа на этот вопрос есть определенные основания.

Конечно, источник названия ПВЛ естественнее было бы искать в византийской хронографии. Однако среди названий больших византийских хроник мы не находим ни одного, которое могло бы претендовать на эту роль. Высказывалось мнение о возможности использования древнерусскими авторами (и в том числе Нестором) малых византийских хроник (см.: *Пиотровская* 1974: 150), но среди их названий прямых соответствий названию ПВЛ также не обнаруживается. Некоторую аналогию представляют названия типа *ἔκθεσις χρόνων...*, *ἐπιτομή χρόνων...*, *φῆφος ἐτών...* (*Крумбахер* 1897: 395—398; *Самодурова* 1967: 157), но это сходство лишь оттеняет глубину различия: принципиально для нас именно наличие в названии парной формулы.

Между тем предположение о связи названия ПВЛ с указанным стихом Апостола совсем не кажется невероятным. Текстологические данные не противоречат ему. Характерно, что чтение **времяныхъ лѣтъ** выступает в двух древнерусских списках Апостола и, судя по опубликованным материалам, неизвестно южнославянской традиции. Особенно показательно присутствие данного чтения в Апостоле 1307 г.: как отмечалось в литературе, данная рукопись (древнейшая из восточнославянских списков Апостола, содержащих интересующий нас стих), передает текст памятника как раз в той редакции, которая в основном цитируется древнерусскими авторами⁸.

Стих Деян. 1, 7 входит в первое «зачало» Апостола, читаемое на пасхальной литургии, и в силу этого занимает в церковнославянской книжной традиции совершенно особое положение. Не приходится сомневаться в том, что из всех случаев употребления в древнерусской книжности сочетания **времени**

⁸ Г. А. Воскресенский относил апостол 1307 г. к первой редакции, но отмечал, что во многих своих чтениях он переключается со второй, «русской» редакцией (*Воскресенский* 1879: 130). По мнению арх. Амфилохия, «это вполне русская редакция» (*Амфилохий* 3: 32). В ряде случаев цитаты из Апостола в ПВЛ совпадают с чтениями Апостола 1307 г., отличаясь от чтений других списков. См., например: 1 Иоанн 4, 17: ПВЛ: **и семь свершается любы да достояние имамъ в днь соудныи да яко же шнѣ есть и мы есмы в мирѣ семь** (Лавр, л. 68). Так же в Апостоле 1307 г. и Толстовском Апостоле XIV в. В других древних списках: **да дръзновеи имамъ и зане яко онѣ** (*Амфилохий* 1—2: 248).

и лѣта этот был наиболее значимым⁹. Стих Деян. 1, 7 принадлежал к числу часто толкуемых и цитируемых новозаветных текстов. О нем размышляет, в частности, Иоанн Экзарх Болгарский в «Шестодневе»: спсѣ гл҃аше къ ап(с)ломъ: не вамъ ксѣ вѣдѣти лѣта и годъ, таже шѣ положи въ своки власти. Да каи лѣтъ и годъ нѣ(с) намъ вѣдѣти, али вл(д)коу хоцемъ вѣдѣти (цит. по: Срезневский, 1: 538).

Существенно, однако, что данный текст осмыслялся не только как выражение неисповедимости эсхатологических сроков, но и как провозглашение божественной сотворенности времени вообще, утверждение сакральности самой хронологии. Об этом можно судить уже по тому факту, что стих Деян. 1, 7 был положен в основу тропаря и кондака Новому лету, открывающих собой каждый новый год церковного календаря: *всѣи твари съдѣтѣлю времена и лѣта свокою властью положивъ; бл҃гослови вѣнѣць лѣтоу бл҃гсти твояка г҃и съхранаа въ мирѣ оца ради люди твоя по велицѣи твояки милости* (Ягич 1896: 3).

Сотворенные Богом, «времена и лета» выступают как предмет его постоянного попечения, которое проявляется в своеобразном «заполнении» времени событиями, достойными его божественного происхождения. «Не встави бо създаниа своего милостивѣи бѣ, ни забѣи дѣла роукоу свокою, нѣ на каждаго лѣта и времена избѣра моужа и яви дѣла ихъ и подвигы людѣмъ», — читаем в Похвале Кириллу и Мефодию (Усп. сб., л. 110а). Это постоянное участие Бога в созданном им и им же ограниченном конечными сроками временном потоке связывает между собой два предполагаемых Апостолом аспекта значения сочетания *времена и лѣта* — «календарно-хронологический» и «эсхатологический».

Оба эти аспекта в равной степени важны для летописной концепции исторического времени. Стих Деян. 1, 7 был одним из главных источников этой концепции, и потому использование его в названии Начальной летописи не должно вызвать удивления.

Основное значение этого названия состоит, как можно думать, в обобщенном выражении доминанты времени в летописной трактовке истории, не в смысле противоположности «временного» и «вечного», но в смысле представления о «едином, объективно существующем времени, независимом от насыщенности его событиями» (Лихачев 1979: 264). Время сотворено Богом и пронизано Его участием. Оно существует независимо от событий, но события происходят только во времени, и только в изначально предопределенном временном потоке, а не во взаимной причинно-следственной связи, обретают

⁹ Сочетание *вѣремена и лѣта* в Библии употребляется также в книге пророка Даниила: и тои премѣнаетъ времена и лѣта, поставлетъ цѣри и преставлетъ (Дан. 2, 21) и в 1 Солун. 5, 1: а о лѣтѣхъ и о временахъ, братѣе, не требѣесть вамъ писати. Ср. также Быт. 1, 14: и да воудутъ (светила) в знаменїа и во времена, и во дни, и в лѣта; Галат. 4, 10: дни смотрите, и мѣсацы, и вѣремена и лѣта, где данное сочетание входит в более обширные синтагмы. Характерно, что случаи его употребления в других текстах чаще всего восходят к указанным первоисточникам. См. примеры, приводимые в ДРС, 1: 493: праздники нѣкыа чѣтоуще еанньскыа, дни же авне и м(с)цѣ и времена и лѣта — Ефремовская Кормчая XI—XII в. (ср.: Галат. 4, 10); вл҃ко г҃и... творче сътворивши времена и лѣта — Ярославский молитвенник XIII в. (ср.: Деян. 1, 7).

свой смысл. Поэтому трудно согласиться с Н. К. Никольским, считающим, что «в рассматриваемом выражении нельзя найти признака повременности или “хронологичности”» (Никольский 1930: 41). В названии **Повѣсти временныхъ лѣтъ** этот признак не только присутствует, но и акцентируется. Употребление в заглавии Начальной летописи заимствованной из Апостола парной формулы как бы заново восстанавливало и усиливало внутреннюю форму греч. *χρονικόν*, *χρονογραφία*, стершаяся от длительного терминологического употребления. Жанровое определение таким образом вновь становится средством выражения определенной исторической концепции, а не воспринимается механически как обычные термины-кальки **врѣменьникъ**, **лѣтописецъ** и т. д.

Доминирование в летописи «хронологического» над «событийным» проявляется прежде всего в самом принципе погодного изложения с характерным наличием так называемых «пустых лет», то есть годов, отмечаемых как таковые, как «время без событий», чистая хронология. В заглавии ПВЛ это соотношение истории и хронологии находит себе замечательное языковое воплощение: коль скоро «времена и лета» выступают как объект исторического повествования, в значении этого выражения имплицитно присутствует значение «событий», однако присутствует лишь метонимически, поскольку это события, происходящие во времени¹⁰. В уже упоминавшемся варианте «Повести временных дей» эта метонимичность снимается, и одновременно исчезает семантическая глубина названия. «Событийное» значение становится единственным: в «Повести временных дей» уже нет места для «пустых лет»¹¹.

Здесь уместно вспомнить, что наличие в летописи «пустых лет» и сам принцип погодного изложения объясняется обычно влиянием пасхальных таблиц (см.: Сухомлинов 1908: 32; Лихачев 1950: 87). Вычисление Пасхи всегда находилось в центре хронологической проблематики христианского средне-

¹⁰ В связи с этим обращает на себя внимание первое слово заголовка. В переводных древнерусских текстах слово **повѣсть** обычно передает греч. *διήγησις* или *ἱστορία*. Таким образом, греческое соответствие нашему заглавию могло бы иметь вид *διήγησις τῶν καιρῶν καὶ τῶν χρόνων*. Примечательно, однако, что первая часть данного гипотетического образования столь же не характерна для названий византийских «хроник», как вторая — для названий византийских «историй». Если «истории» повествуют прежде всего о людях и событиях (например, *ἱστορικὴ διήγησις τοῦ βίου καὶ τῶν πράξεων...*), то хронология является обычно объектом расчетов, перечисления, изложения (см. приведенные выше названия малых византийских хроник; ср. также изложение... о **лѣтѣхъ мироу** — в названии хроники Иоанна Малалы и **лѣтомъ оуказание по радюу** — в заглавии хроники Георгия Синкелла). В названии **Повѣсти временныхъ лѣтъ** происходит своего рода синтез двух традиций.

¹¹ Соотношение заголовков **Повѣсти временныхъ лѣтъ** и **Повѣсти временныхъ дѣи** напоминает соотношение между сопоставимыми фразами «Слова о полку Игореве» и «Задонщины» — **помянуть во, рече, первыхъ времен оуболицѣ** («Слово») и **помянемъ, брати, первыхъ лѣтъ времена** («Задонщина»). Используя конструкцию «Слова», автор «Задонщины» устраняет конкретные детали: выражение «первых лет времена» метонимически означает «события первых времен», без конкретизации, о каких именно событиях идет речь. В отличие от ПВЛ, при трансформации исходного сочетания метонимия здесь не устраняется, а, наоборот, возникает.

вековья. Само доминирование хронологии в историческом повествовании, свойственное и ПВЛ, отражает традицию, восходящую в византийской историографии к «Пасхальной хронике» VI в. (см.: Удальцова 1984: 265—271). Крестная смерть и воскресение Христа являются тем кульминационным событием, благодаря которому историческое время распрямляется, становится необратимым, «приобретает ценность, которая несоизмерима с ценностью старого космологического времени, и становится, как и история вообще, объектом сакрализации» (Топоров 1973: 141). То обстоятельство, что источником названия ПВЛ стал текст, читающийся на пасхальной литургии, представляется весьма знаменательным. Повествование о начале истории Руси оказывается таким образом символически связанным с центральным событием всей человеческой истории. Об актуальности этой связи красноречиво свидетельствует следующий фрагмент из Троицкой летописи, предвещающий в ней пророчество апостола Андрея об основании Киева: «по семь же по колицѣхъ временехъ, по мнозихъ лѣтахъ бысть по воплощеннн христовѣ и по распятнн и воскресеннн и на небеса по вознесеннн, и по приключоу придѣ сватын апостоль Андрѣнн и ста подѣ горами на березѣ» (Приселков 1950: 53). Введение в гущу хронологически неопределенного повествования первых страниц ПВЛ этой обладающей высшей сакральностью временной координаты можно рассматривать как непосредственное развитие темы, намеченной в названии Начальной летописи.

Замечательно, что соотнесенность с пасхальной литургией обнаруживает и другое произведение первого века русской литературы — «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, полное название которого — *Слово о законѣ, Моисѣомъ данѣмъ и о благодѣти и истинѣ, Исусомъ Христомъ бывши* — представляет собой адаптированное к контексту дословное воспроизведение заключительного стиха пасхального чтения Евангелия (Иоанн. 1, 7). Идеиные и текстуальные связи между ПВЛ и «Словом о законе и благодати» отмечались неоднократно. Предполагалась даже возможность непосредственного участия Илариона в начальном русском летописании (Розов 1974). Отмеченный параллелизм выглядит поэтому вполне естественным и одновременно символичным: два первых текста русской историографии и историософии оказываются связанными в их общей соотнесенности с пасхальной литургией, выступающей как своеобразная точка отсчета для разных линий развития формирующейся русской христианской книжной культуры¹².

Конечно, все указанные выше значения и семантические связи не могли быть в равной степени предусмотрены создателями ПВЛ. Их совокупность представляет собой скорее круг ассоциативных возможностей названия¹³. С

¹² Заметим, что и «Слово» Илариона определяется самим автором как «повесть»: *о благодати и истинѣ, Исѣ Х(с)мъ бывшимъ, повесть си есть*.

¹³ Естественно предполагать, что этот круг в действительности был еще шире, в том числе и за счет архаических дохристианских реминисценций. Как уже указывалось, вторая, «вопросная» часть названия (*ѡкоудоу есть пошла роуѣската земля...*) может восходить к традициям космологического описания (Топоров 1973: 125). Столь же архаичные корни безусловно имеет и сама парная формула *времѣна и лѣта*, что, кстати, и делает возможной трансформацию ее на славянской почве в сочетание *времѣнная лѣта*. Ср., например, цитированное выше место из «Задонщины»

течением времени связь между заглавием ПВЛ и его источником, по-видимому, стерлась, поскольку чтение **временныхъ лѣтъ** в истории русского текста Апостола уступило место стандартному **время** и **лѣтъ**. Тем не менее традиция прочтения названия Начальной летописи как выражающего тот же смысл, что и это сочетание, сохранялась, возможно, до сравнительно недавнего времени. По крайней мере, отголоски такого прочтения отчетливо слышны в «Службах преподобным отцам печерским», напечатанных в типографии Киево-Печерской лавры в 1763 г.: «**Времена и лѣта многочюдеснымъ цркве, житїа и добродѣтели оцъ первоначальныхъ писаниемъ намъ извѣсны и дѣломъ ихъ ревнитель оусердныи бывыи, Несторе славне, съ ними же та нѣбѣ оублажающе поемъ: бѣгслевнѣ бгѣ оцѣ нашихъ**» (КПП, л. 6).

* * *

Дополнение 1999 г.

Предложенная трактовка названия «Повесть временных лет» была впервые печатно высказана в 1988 г. Полный текст написанной тогда же статьи был опубликован в 1993 г., но не получил сколько-нибудь заметного отклика. Одновременно со мной и совершенно независимо то же прочтение названия Начальной летописи предложил Г. Лант, сначала в примечаний к работе 1988 г., затем — в виде отдельной статьи (1997). Наши аргументы во многом совпадают и взаимно дополняют друг друга.

Важнейшее наблюдение Г. Ланта, дополняющее нашу аргументацию, состоит в том, что формула *время и лета* присутствует в названии Хроники Ипполита Римского (Συναγωγή χρονῶν καὶ ἔτων ἀπὸ χτίσεως κόσμου ἕως τῆς ἐνεστώτης ἡμέρας) — вероятного источника ряда этно-географических сведений, содержащихся в вводной части ПВЛ (специально о зависимости вступления ПВЛ от источника типа хроники Ипполита см.: Ведюшкина 1993).

Возможность восхождения названия ПВЛ к хронике Ипполита Римского не отменяет, однако, трактовки этого названия как навеянного стихом 1, 7 Деяний апостолов. Трансформация парной формулы в атрибутивное словосочетание вряд ли могла независимо произойти в тексте летописи и Апостола. С другой стороны, именно контекст с отрицанием, в котором эта формула выступает в Деян. 1, 7, создавал наиболее благоприятные текстологические условия для такой трансформации. Первоначальный перевод греч. οὐκ ἰμῶν ἐστὶν ἡνῶναι χρόνους ἢ καιροὺς, вероятнее всего, имел вид: **нѣсть ваше разо-**

(«первых лет времена») или фольклорные зачины типа «В годы прежние, времена первоначальные» (Кириша Данилов: 27). Связь «временных лет» с мифологическим «первоначальным временем» была, по-видимому, достаточно устойчивой и порождала у этого сочетания побочное значение «древности». Как экспликация этого значения может рассматриваться уже упоминавшийся вариант заголовка «Повести древних лет» в Тверской летописи. Ср. также полное название «Повести о Савве Грудыне»: «Повесть зело предивна высть в древняя времена и лета...» (Будовниц 1962: 221). Можно думать, однако, что такого рода архаические значения участвовали в общем смысловом комплексе на правах дополнительных коннотаций, тогда как доминирующую роль играла все же трактовка названия ПВЛ в духе христианской традиции.

умѣвати врѣмѣнь ни лѣтъ, откуда легко выводится весь набор разночтений: врѣмѣнь и лѣтъ, врѣмѣна и лѣта, врѣмени лѣтоу и, наконец (с учетом непоследовательности южнославянской орфографии XI в. в обозначении еров и морфологического варирования твердых и мягких основ прилагательных) — врѣменьни(х) лѣтъ → врѣменьныхъ лѣтъ (см.: *Амфилохий* 1885: 57). Симптоматично, что последнее чтение представлено только в восточнославянской традиции. Особенно показателен обнаруженный И. Н. Данилевским (1995) факт присутствия данного чтения в цитате из Апостола в Толковой Палее — памятнике, текстологически связанном с Начальной летописью.

Название летописи Нестора оказывается, таким образом, помещено в двойную перспективу: структурно оно восходит, вероятно, к одному из хронографических источников космографического введения ПВЛ; между тем окончательное оформление этого названия произошло, скорее всего, при непосредственном влиянии пасхального чтения Апостола. Двойственность происхождения хорошо объясняет многозначность и смысловую глубину сочетания, вобравшего в себя семантический потенциал формулы *времена и лета* в библейской, патристической и хронографической традиции.

Литература

Амфилохий 1885 — *Амфилохий*, архим. Древнеславянский Карпинский Апостол XIII в. с греческим текстом 1072 г., сличенный по древним памятникам славянским XII—XVII вв. Т. 1, М., 1885.

Будовниц 1962 — *Будовниц* И. У. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII в. М., 1962

Ведюшкина 1998 — *Ведюшкина* И. В. «Нарцы еже суть словене» // Восточная Европа в древности и Средневековье. X Чтения к 80-летию чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 1998, с. 13—16.

Воскресенский 1879 — *Воскресенский* Г. А. Древний славянский перевод Апостола и его судьбы до XV в: Опыт исследования языка и текста славянского перевода Апостола по рукописям XII—XV вв. М., 1879.

Гиппиус 1988 — *Гиппиус* А. А. «Повесть временных лет»: к вопросу об интерпретации названия // Семиотика культуры. Тезисы докладов Всесоюзной школы-семинара по семиотике культуры 8—18 сентября 1988 года. Архангельск, 1988, с. 63—66.

Гуревич 1982 — *Гуревич* Е. А. Парная формула в эддической поэзии. Опыт анализа // Художественный язык средневековья. М., 1982.

Даль — *Даль* В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2-е. СПб.—М., 1880—1882, т. I—IV.

Данилевский 1995 — *Данилевский* И. Н. Замысел и название Повести временных лет // Отечественная история. 1995, № 5

ДРС — Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. М., 1988—.

Ефрем — Sancti Patris nostris Ephraemi Syri opera. Accur. D. A. B. Cailau. Paris, 1842. Т. I—VIII.

Истрин 1920 — *Истрин* В. М. Книги временныя и образныя Георгия мниха. Хроника Георгия Амартола в славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. 1. Текст. Пг., 1920.

Кириша Данилов — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977.

КПП — Киево-Печерский патерик. Киев, Типография Киево-Печерской лавры, 1661.

Крумбахер 1897 — *Krumbacher M.* Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897.

Лант 1988 — *Lunt H.* On interpreting the Russian Primary Chronicle: the Year 1037 // *Slavic and East European Journal* 32 (1988), pp. 251—264.

Лант 1997 — *Lunt H.* Повесть временных летъ от Повесть времянь и лѣтъ // *Palaeoslavica*. V (1997), pp. 317—326.

Лихачев 1950 — Повесть временных лет. Ч. 2. Приложения. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950.

Лихачев 1979 — *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. Изд. 3-е. М., 1979.

Муральт 1859 — фон *Муральт Э. Г.* Хронограф Георгия Амартола // Памятники языка и словесности, их списки, чтения и объяснения. СПб., 1859.

Мурьянов 1978 — *Мурьянов М. Ф.* Время (понятие и слово): К 600-летию Лаврентьевской летописи // Вопросы языкознания. 1978, № 2.

Никольский 1930 — *Никольский Н. К.* «Повесть временных лет» как источник для истории начального периода русской письменности и культуры (К вопросу о древнейшем русском летописании) // Сборник по русскому языку и словесности. Т. 2. Вып. 1. Л., 1930.

Пасхальная хроника — *Chronicon Paschale*. Rec. L. Dindorf. Bonnae, 1832. Т. 1—2.

Пиотровская 1974 — *Пиотровская Е. К.* О третьей русской редакции «Летописца вскоре» патриарха Никифора // Византийский временник. Т. 36. М., 1974.

Потебня 1968 — *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. 3. М., 1968.

Приселков 1950 — *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: реконструкция текста. М.—Л., 1950.

Розов 1974 — *Розов Н. Н.* К вопросу об участии Илариона в начальном летописании // Летописи и хроники. М., 1974.

Самодурова 1967 — *Самодурова З. Г.* Малые византийские хроники и их источники // Византийский временник. Т. 27. М., 1967.

СК — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984.

Сл. XI—XVII в. — Словарь русского языка XI—XVII вв. М. 1975—.

Срезневский — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1—3. СПб., 1893—1903.

ССЯ — *Slovník jazyka staroslovenskeho*. Praha, 1959—.

Сухомлинов 1856 — *Сухомлинов М. И.* О древней русской летописи как памятнике литературном // Ученые записки 2-го отделения Имп. Акад. Наук. Кн. 3. СПб., 1856.

Татищев 1962 — *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. 1. М., 1962.

Топоров 1973 — *Топоров В. Н.* О космологических источниках раннеисторических описаний // Труды по знаковым системам. Вып. 6. Гарту, 1973.

Удальцова 1984 — Удальцова З. В. Развитие исторической мысли // Культура Византии. IV — первая половина VII в. М., 1984.

Усп. сб. — Успенский сборник XII—XIII вв. Изд. подг. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1970.

Филин 1949 — Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей) // Ученые записки Ленинградского гос. пед. института им. Герцена. Т. 80.

Хютль-Фольтер 1983 — Huttel-Folter G. Die *trat/torot* Lexeme in den Altrussischen Chroniken. Wien, 1983.

Ягич 1886 — Ягич И. В. Служебные минеи за сентябрь, октябрь, ноябрь. В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—1097 гг. СПб., 1886.